

МОЛЧАНИЕ. КОММУНИКАТИВНЫЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Silence. Communicative and Cultural Aspect

Мария Путьрова (Maria Poutrova)

Полоцкий государственный университет, e-mail: m.poutrova@psu.by

Abstract. *The aim of the article is to present the results of the analysis of silence in verbal communication from purely linguistical perspectives. It studies silent reactions comparing them not so much with verbal responses but creating oppositions between varieties of silent reactions, taken from authentic talking in four cultures: Belarusian, Russian, American and English. Our assumption is that oppositions between various types of silence can provide convincing data against a widely spread belief that silence is always derogative, submissive and referring to power.*

Studying intentions of unclear silent reactions in private conversations we discovered that they are often nothing but search for pleasure in silence. The recurrent meaning of the reactions is 'I enjoy your company', 'I am happy being together', 'I am happy having a rest from the worries of the world'. Silent reactions of this kind are quite polysemantic, their exact meanings can be described with the help of such words as relaxation, pleasure, harmony, quietness. The variety of meanings of only one type of silent reactions makes it possible to claim that silence is a kind of code, used in communicative behavior along with other codes, verbal and nonverbal.

Keywords: *harmony, meaning, internationality, code, zero signifier, zero signified, opposition, polysemantics, relaxation, pleasure.*

Вступление

Утверждение о том, что молчание в каждом конкретном акте общения имеет совершенно определенный смысл, является общеизвестной истиной, поддерживаемой даже на уровне самых неискушенных в лингвистике представителей языкового сообщества. Сказанное означает, что молчание значимо, и адекватное поведение в любой ситуации предусматривает умение интерпретировать реакции молчания, не такие уж и редкие в поведении людей любой социальной группы.

При рассмотрении лингвистической значимости данных молчаливых реплик целесообразно провести разграничение между нулем (отсутствием знака) или молчанием как маркером определенного смысла и нулем как тем, что репрезентируется или маркируется данным знаком, в нашем случае молчанием. Ноль как отсутствие знака считается возможным интерпретировать как эквивалентное выражение молчания, так как отсутствие определенного знака, если оно противопоставляется его наличию, значимо. Так можно вкратце суммировать аргументацию тех, кто отстаивает значимость молчания (Kurzon (1997), Tannen (1985), Jaworski (1993)). Рассмотрение реализаций молчания в коммуникативном поведении требует тщательно проведенного лингвистического анализа. Цель работы таким образом, состоит во всестороннем анализе молчания как лингвистического явления. Анализа, в котором молчание сопоставлялось бы, с одной стороны, с говорением, а с другой, рассматривалось бы само по себе, на основе внутренних оппозиций, когда, например, молчание – гнев противопоставляется молчанию – сочувствию, солидарности и т.п. Такие оппозиции позволят доказательно противостоять общему утверждению о том, что молчание всегда означает отсутствие, невидимость, подчиненность, второстепенность, негативность (Арутюнова, 2000) и соотносится с поведением чаще всего женщин, как это фиксируется, практически, в подавляющем количестве интерпретаций данного феномена в гендерных исследованиях англо-говорящих культур (Spender (1980), Sifianon (1995), Defrancisko (1991)).

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили сделанные нами обширные аудиозаписи подлинного говорения в четырех культурах (белорусской, русской, американской и английской), составившие примерно 40 000 слов в каждой культуре. Количественная соотносимость и аутентичность являются важнейшими характеристиками отобранных массивов записей для анализа. Кроме того, их общей особенностью является то, что все они сделаны в городской местности: на Полотчине (Беларусь), в Московской области, но не в Москве (Россия), Бистоне, Ноттингемщина (Великобритания), в штатах Калифорния (Ла Мейса, Сан-Диего), Индиана (Блумингтон, Кеймбридж-сити), США. Непосредственным предметом рассмотрения явилась та достаточно распространенная разновидность молчания, которая отличается отсутствием относительно понятных для других участников разговора интенций и чаще всего квалифицируется как дерогативная.

Интенции, как известно, весьма важная характеристика любой реакции, вербальной и невербальной. Неслучайно исследователи молчания единодушны в убеждении, что молчание как знак допускает представление себя как интенционального молчания. Сказанное означает, что его смысл можно интерпретировать с помощью обозначаемого, представленного в виде пропозиций типа «Я не должен говорить» или «Я не буду говорить». Вместе с тем, в аутентичном коммуникативном поведении возможны такие реплики-молчания, то есть нулевые обозначающие, которые могут оказаться также и нулевыми обозначаемыми. Подобные случаи наблюдаются в самых разных фрагментах коммуникативного поведения. Обычно они интерпретируются лингвистами как примеры нелингвистического знака в традиционном его понимании, ибо считается, что молчаливый реципиент не имеет интенций для модальных молчаливых реакций (Kurzon, 1997: 8). Ведь в соответствии с установившейся точкой зрения для того, чтобы молчание приобрело значение в лингвистическом смысле этого слова, коммуникант должен иметь интенции. Иными словами, нулевое обозначающее предполагает способное к расшифровыванию или допускающее расшифровывание обозначаемое, то есть смысл, который можно выразить словами, описательно. Если же молчание коммуниканта не поддается интерпретации, не обнаруживает никаких интенций, тогда оно трактуется как неинтенциональное и на этом основании считается не относящимся к лингвистике.

Реальное коммуникативное поведение, однако, изобилует примерами такого рода. Так, в нижеследующем примере молчание является одним из вариантов именно такого неинтенционального молчания, что нередко сбивает с толку других участников коммуникативного акта, добивающихся именно интенций, объяснения молчания.

Фрагмент 1. Приход с работы.

- А₁: *Привет!*
 Б₂: *Привет! Хорошо, что сегодня раньше пришел. У меня тоже все готово как раз. Давай быстрее.*
 А₃: (Молчание)
 Б₄: *Ну как у тебя там?*
 А₅: (Молчание)
 Б₆: *Где ты? Иди. Стол уже накрыт.*
 А₇: (Молчание). (Входит, садится за стол, начинает искать глазами вилку)
 Б₈: *Да вот же, вот...*
 А₉: (Молчание)
 Б₁₀: *Хватит или еще подложить?*

- A₁₁: (Жест, что хватит)
 Пауза
- Б₁₂: *Ну так что? Поедем завтра на дачу?*
- A₁₃: (Молчание)
- Б₁₄: *А?*
- A₁₅: (Кивает головой)
- Б₁₆: *Во сколько?*
- A₁₇: (Молчание)
- Б₁₈: *Во сколько, говорю?*
- A₁₉: *Что?*
- Б₂₀: *Когда поедем?*
- A₂₁: *А? Ну ... э-э посмотрим.*
 Пауза
- Б₂₂: *Слушай, а что такое, а?*
- A₂₃: (Молчание)
- Б₂₄: *Работы было много?*
- A₂₅: (Молчание)
- Б₂₆: *Устал?*
- A₂₇: (Молча дружелюбно смотрит в глаза собеседнице и откидывается на спинку стула)
- Б₂₈: *Ну-у, ты допивай вот. И вот не съел! На, доешь.*
 (Записан в г. Королеве Московской области в 2002 г.).

Отсутствие относительно легко выводимых интенций в данном примере (см. реплики 3, 5, 9, 13, 17, 23, 25) вовсе не означает, что их нет в принципе. Такое молчание вполне может соотноситься с интенцией помолчать, с особым удовлетворением от пребывания в своей семье, в своем доме, с удовольствием, получаемым от полной релаксации, отключения. Беседа с молчаливым участником А данного фрагмента позволила убедиться, что его молчание как раз и было вызвано перечисленными интенциями.

Неинтенциональные смыслы в системе Грайса, как известно, соотносятся с так называемым натуральным (natural), естественным значением; ненатуральные – с лингвистическим или неконвенциональным. С точки зрения Грайса, только последние, то есть неконвенциональные значения могут быть по существу лингвистическими (Grice, 1971). На этом основании реакции приведенного типа считаются неинтенциональными. Ввиду неясности намерений, то есть интенций говорящего, они исключаются из анализа и остаются не описанными. Если, конечно, не принимать во внимание описание в гендерных исследованиях сквозь призму замалчивания, сексизма и отношений власти.

Однако, они интенциональны! Только их интенциональность отличается от тех ее разновидностей, которыми традиционно оперируют лингвисты, и может быть представлена как нулевая или как та, которая ищет тишину, покой, релаксацию, молчание само по себе. Такой тип молчания зафиксирован в поведении представителей всех анализируемых культур. Больше всего в нашем материале оно наблюдалось в поведении мужчин в домашней обстановке, особенно в возрасте 35-55 лет. Видимо, мужское представление о доме действительно состоит в том, что именно здесь можно расслабиться и таким образом отдохнуть. Главная интенция – отключиться, побыть в состоянии релаксации, даже «послушать» тишину.

Рассмотрим следующий фрагмент подлинного общения, зафиксированный в домашней обстановке непосредственно после просмотра фильма, который произвел значительное впечатление на участницу разговора.

Фрагмент 2. Молчание после просмотра фильма.

A₁: *We gonna be happy, Charlie, aren't we?*

B₁: (Silence)

A₂: *Aren't we, Charlie?*

B₂: (Silence)

A₃: *Give me your word, Charlie, please, will you?*

B₃: (Silence, smiling)

A₄: *We gonna be together, Charlie, aren't we? Just tell me, Charlie!*

B₄: *Uhm, eer, sure...*

A₅: (After a pause) *Great! Oh, lovely! Charlie, dear, that's lovely!*

B₅: (Silence)

(Записан в Ла Мейсе, Калифорния в 2003 г.).

Представленный эпизод завершается вполне благополучно для говорящих субъектов, семейной пары, в истории которой имелся достаточно сложный период. «Улыбающееся» молчание B₃ и односложная, отягченная дисфлуэнторами, но положительная реакция B₄ позволили преодолеть возбуждение, вызванное, казалось бы, необъяснимыми репликами молчания B₁ и B₂. Последние, как выяснилось в ходе последующих уточняющих собеседований с коммуникантом В, как раз и являли собой его твердую убежденность, что уж дома-то можно, наконец, расслабиться, отвлечься от всего и в кругу полностью понимающих и принимающих его людей насладиться жизнью. Причем семья и, особенно, общение в паре рассматриваются коммуникантом как, практически, единственная возможность такого наслаждения. Неудивительно, что его вербальное поведение изобилует репликами молчания в обиходном общении.

Наше исследование показало, что во всех анализируемых культурах употребительность подобного молчания гендерно специфична и соотносится, главным образом, с поведением мужчин. Общие показатели частотности подобного молчания в наших записях весьма убедительно отражены в следующей пропорции: 12,5 % против 87,5 %, где последняя цифра манифестирует поведение мужчин. Культурно специфичной в нашем материале правомерно признать только общую встречаемость данного молчания среди других его разновидностей. Так, по нашим данным, поведение в белорусской культуре чаще характеризуется манифестацией рассматриваемого молчания по сравнению с другими анализируемыми нами культурами.

Если внимательно изучить примеры дерогативного молчания в широко известных гендерных исследованиях данного феномена, то окажется, что именно анализируемая нами его разновидность зачастую приводится в них в качестве примеров уничижительного и властного поведения. Всегда ли, однако, молчаливые реакции данной разновидности таковы по своим интенциям?

Заслуживающий внимания случай описывается в небольшом рассказе Г. Белля «Доктор Мурке» (Böll, 1985). Доктор Мурке собирает записи молчания. Когда он слушает записанное на пленку молчание подруги Риты в том виде, в каком оно действительно разворачивается в реальном мире, то испытывает удовольствие. Вот как он говорит об этом: «Если бы ты знала, как дорого мне твое молчание. По вечерам, усталый, когда я сижу один, я проигрываю твое молчание» (Böll, 1985).

Следует согласиться, что трудно или невозможно найти слова, которые бы обозначили, заменили бы собой подобное молчание. Раз это так, то правомерно

признать, что в данном случае мы имеем нулевое обозначающее / нулевое обозначаемое. При этом данное молчание может отличаться от других случаев неинтенционального молчания. Последнее может быть обусловлено психологическими особенностями личности, например, робостью, рассеянностью, смущением, тактичностью и т.п., то есть состояниями, которые реализуются против воли коммуниканта, когда он вовсе не имеет ввиду молчать. Напротив, его интенции могут быть не молчать, не смущаться.

Рассматриваемое в данной работе молчание весьма характерно для коммуникативного поведения в отношениях гармонии. Молчание – гармония, по нашим данным, более широкий образ, чем молчание ради молчания; оно включает большое разнообразие, целую полифонию разных молчаний. Чаще всего молчание-знание, когда в общении достаточно физических действий, а вербальные действия просто избыточны; молчание-тактичность; молчание-желание расслабиться, отвлечься; молчание-внимание; молчание с целью лучше узнать друг друга, услышать друг друга, понять настроение и намерения собеседника сейчас, в момент совершения акта общения. Общей интенцией всех разновидностей молчания-гармонии правомерно считать «хочу, чтоб мне и тебе (нам) было хорошо. Хочу побыть в твоей ауре». Как вариант или продолжение ее часто наблюдается следующее: «хочу поэтому знать, понимать, слышать».

Наблюдается данный тип молчания, как правило, в самых разных его вариантах и разновидностях в поведении давно устоявшихся и понимающих друг друга с полуслова супружеских пар, друзей, родственников, реже хорошо сработавшихся сослуживцев или соратников по какой-нибудь деятельности. Нами зафиксировано такое молчание в поведении представителей всех анализируемых культур. Интересно отметить, что относительные количественные показатели молчания гармонии приблизительно одинаковы для английской, русской и белорусской культуры, хотя и располагаются именно в такой последовательности. Зафиксированные нами фрагменты коммуникативного поведения – гармонии в американском варианте имеют меньший относительный процент молчания. Видимо, все-таки американская культура ценит и приветствует разговор больше. В нашем эксперименте роль молчания-гармонии у них в значительной степени выполняет так называемое фатическое говорение.

Таблица 1.

Соотношение говорения / молчания (%) в поведении коммуникантов, характеризующемся отношениями гармонии

Культура	Белорусская	Русская	Английская	Американская
Поведение				
Говорение	30	35	30	55
Молчание	70	65	70	45

Гендерные различия в таком типе молчания прослеживаются достаточно четко, ибо оно чаще всего зарегистрировано в поведении мужчин друг с другом, особенно отцов – сыновей, но не дедов – внуков, или мужчин и женщин, если последние действительно оказались способными развить высокое чувство дружбы, поддержки, понимания. Причем между мужчинами молчание–гармония прослеживается зачастую и в рабочей обстановке, в нашем материале особенно в белорусской и русской культурах. Обычно это отношения хорошо сработавшихся равных партнеров. Кроме того, молчание – гармония в определенной мере соотносится с определенным возрастом и почти всегда с относительно весьма значительным опытом общения. В большинстве случаев оно характерно для коммуникантов среднего и более старшего возраста,

особенно если общаются между собой друзья или сослуживцы. Большая разница в возрасте, однако, представляет собой препятствие для общения через молчание. Даже для деда и внука. В нашем материале отношения гармонии между последними подразумевают весьма значительное количество говорения, а молчание весьма фрагментарно. Менее свойственно оно и дружеским неформальным отношениям среди женщин. Обычно женщины в дружеском неформальном общении предпочитают все-таки разговор. Видимо, поэтому многие из них не сразу научаются понимать молчание и участвовать в нем в семье.

Данный тип молчания существует не только в отношениях гармонии. В таком случае он чаще всего, в конечном итоге, приводит к определенным кратковременным или более длительным сбоям в общении, к пересмотру, изменению подходов. В нашем материале такого молчания оказалось значительно больше в поведении мужчин.

Однако далеко не всегда их главной интенцией являются властные амбиции или стремление унижить собеседника. Уточняющие беседы подобных молчаливых реакций позволили получить результаты, весьма убедительно свидетельствующие в пользу частотности интенций отвлечься, отдохнуть, насладиться покоем, звуками дома. Удивительно, но значительная часть респондентов, особенно в белорусской культуре, считает, что дома должен звучать женский голос, что в семье мать – «главная мелодия». Полученные результаты позволили значительно уменьшить процент молчаний в повседневных разговорах, рассматриваемых как уничижительные, дерогативные. Кроме того, они дают основание говорить о целесообразности тщательного изучения конкретных значений всех реакций молчания с целью установления их подлинного содержания.

Результаты, выводы

Главным выводом, который может быть сделан на основе данных о молчании, обозначаемом формулой «нулевое обозначающее / нулевое обозначаемое», состоит в том, что оно вряд ли может быть интерпретировано только с позиций тезиса о власти, как это имеет место в известных гендерных исследованиях (Инубуси (2003), Spender, (1980), Sifianon (1995), Defrancisco (1991). Установка на молчание ради молчания скорее может быть понята как частный случай проявления параметров 1) автономности, 2) заботы или отношений.

Но и в этих своих манифестациях молчание обсуждаемой разновидности весьма полисеманлично. Оно не является знаком только одного конкретного смысла. Напротив, молчание с нулевым обозначающим и нулевым обозначаемым может соотноситься с целым рядом смысловых нюансов, связанных с удовольствием, расслаблением, гармонией, тишиной и т.п. Наличие разнообразия таких нюансов позволяет предположить, что молчание как коммуникативный феномен представляет собой самостоятельный код, используемый человеком в его коммуникативном поведении наряду с другими кодовыми системами – в первую очередь, вербальной и целым рядом невербальных.

Summary

Authentic verbal behavior obviously includes silence into the list of its most effective means. Though it is general knowledge that every act of silence has its specific meaning, there is very little data on the semantics of silent reactions in communication. One of the major problems for researchers of silence nowadays is to discover those specific meanings of silence which come up in authentic interactions.

If we want to examine the linguistic value of silence which is zero, we must first of all draw a distinction between silence (or zero) as a signifier and silence (or again zero) as a signified. There are recurrent cases in everyday conversations when we produce silent reactions with both zero signifiers and zero signified. It

is quite possible to doubt such reactions as being linguistical because the speakers producing them seem to have no intentions for their silence. But they do have intentions. The latter may seem very unusual and present difficulties for immediate participants of communication and researchers.

In our analysis of the silent reactions with zero signifiers and zero signifieds we used recordings of authentic conversations in four cultures: Belarusian, Russian, American and English. The samples of free talking taken for investigation constituted about 40 000 words in each culture. The acts of silence with zero signifieds were selected from them and put to thorough examination.

Our investigation of intentions of unaccountable conversational silences in four cultures (Belarusian, Russian, American and English), carried out with the help of consultations with the producers of the silent reactions, discovered that they may result from the speakers desire to enjoy silence, quietness, etc. This type of silence is very much different from just not speaking because of shyness or due to any other psychological condition. It cannot be equalled to not knowing the answer either or to any other reasons which may stir up the speaker's intention to keep silent.

Gender studies are very suspicious of any silent reactions qualifying them all as signs of submission and empowering, which is especially true of the silences described in the article. Our careful study of intentions for silent reactions having zero signified allowed us to get a list of the speakers' interpretations of their intentions. The most recurrent of them are seeking for quietness, having desire to enjoy silence or even listen to silence, feel the quiet of home, 'be myself through keeping silent', 'get to myself', relax. Importantly such varieties of silence with zero signified come up in authentic communication in all four cultures, though the proportion of them may be culturally specific. The specificity is rather vague as far as the comparison concerns communication in British, Russian and Belarusian cultures, though the exact frequencies of the discussed varieties of silence are lined just in the presented order: comparatively the lowest in British culture and the highest in Belarusian. American culture stands obviously apart from Belarusian though remains not very distinct from the silence frequencies in British and Russian cultures, which justifies the assumption that Belarusians value silence more than Americans. Besides, in all four cultures the discovered varieties of silent reactions are mainly male. But they may be almost equally male and female in interactions in established, harmonious and happy couples, who really enjoy the company of each other. All silences in their communicative behavior, including those with zero signified, are indicative of mutual understanding and respect.

In both cases the varieties of silence are not actually humiliating but they may produce a lot of excitement in everyday conversations if the other party is not used to them or cannot handle them.

The data obtained questions the claim that silence in general and the one with zero signified in particular can only be described in terms of derogation and empowerment. Rather the varieties of silence which come up in authentic interactions allow us to view silence as yet another code which together with other codes, verbal and non-verbal, gives shape to our communication. Disregard of the meanings produced by the acts performed with the help of the silent code may bring about inadequacies in the interpretation of communicative events and reading into them the meanings they do not have.

Kopsavilkums. *Raksta mērķis ir analizēt klusēšanu kā lingvistisku parādību verbālajā komunikācijā, proti, klusēšana tiek pretstatīta ne tikai runai, bet gan arī tā tiek skatīta kā iekšējā opozīcija, piemēram, klusēšana un naidis ir pretstats klusēšanai un līdzjutībai. Raksta autore pieņem, ka pētījums par dažādiem klusēšanas veidiem oponē viedoklim, ka klusums vienmēr ir noniecinošs, pakļāvīgs un attiecas uz varu. Klusēšana ir polisemantiska un tai var būt dažādas nianšes, kas ir saistītas ar baudu, relaksēšanos, harmoniju, klusumu u.c., kas rosina domāt, ka klusēšana kā komunikatīvs fenomens ir sava veida kods, kas komunikatīvajā uzvedībā tiek izmantots kopā ar citiem kodiem, verbālajiem un neverbālajiem.*

Использованная литература и источники

1. Böll, H. (1985). „Doktor Murkes gesammetes Schweigen” und andere Satiren. Cologne: Kieperheuer und Witsch.
2. Defrancisco, V. L. (1991). The Sounds of silence: How men silence women in marital relations. In: *Discourse and Society*, 413-423.
3. Grice, H. P. (1971). Meaning. In: P. F. Strawson (Eds.) *Philosophical Logic* (p. 39-48). Oxford: UP.
4. Jaworski, A. (1993). *The Power of Silence: Social and Pragmatic Perspectives*. London: Sage.
5. Kurzon, D. (1997). *Discourse of Silence*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
6. Sifianon, M. (1995). Do we need to be silent to be extremely polite? In: *Silence and FTAS. International Journal of Applied Linguistics* (5), 95-110.
7. Spender, D. (1980). *Man Made Language*. L., N. Y.: Routledge and Kegan Paul.
8. Tannen, D. (1985). Silence: Anything But. *The Perspectives of Silence* (p. 93-111). Norwood, N. J.: Ablex.

9. Арутюнова, Н. Д. (2000). Феномен молчания. *Язык о языке* (с. 417-436). Москва: Языки русской культуры.
10. Инубуси, Й. (2003). *Феномен молчания как компонент коммуникативного поведения*. Москва: Моск. гос. лингвист. ун-т.